
ВАРИАТИВНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО МЕТАЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ (на материале экспериментальных данных)

Л.Г. Ким

Кафедра русского языка
Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043

В статье рассматриваются факторы, определяющие вариативность интерпретации текста. Обосновывается положение о том, что такая вариативность имеет как наднациональный, так и национальный характер. На основе экспериментальных данных доказывается положение о склонности русской языковой личности к проявлению метатекстовой рефлексии.

Ключевые слова: вариативность, интерпретация, метаязыковая деятельность, реципиент, русское языковое мышление.

Задачей настоящей статьи является установление факторов, детерминирующих вариативность моделей речевой интерпретационной деятельности, и определение роли национального компонента, влияющего на ход и результат этого процесса.

Согласно нашей концепции множественность интерпретации текста обусловлена двумя группами факторов — объективными и субъективными, каждый из которых, в свою очередь, имеет как универсальный, наднациональный характер, так и специфический, национально обусловленный.

Рассматривая *объективные наднациональные факторы*, детерминирующие вариативность интерпретационного процесса и его результата, следует иметь в виду прежде всего вариативность как имманентное свойство языка и ее проявление в речевой (в том числе рецептивно-интерпретационной) деятельности; антиномию «форма — значение» языкового знака, представленную их асимметрией; антиномию «значение — значимость» языковой единицы; антиномию «языковой знак — референт», заключающуюся в отсутствии жесткой закреплённости языкового знака за референтом; антиномию «объективное — субъективное» языкового знака, проявляющуюся в свойстве его интерпретируемости как следствии функционирования языкового знака в пространстве языковой личности.

Объективные национальные факторы сводятся к особенностям системно-структурной организации и условиям функционирования национального языка, в нашем случае — русского языка.

Влияние *субъективных наднациональных факторов* определяется прежде всего активным, креативным и продуцирующим характером восприятия и интерпретации; автономностью, интенциональностью и субъектностью интерпретационной деятельности, а также вариативностью языковой способности языковой личности, проявляющейся в субъективности интерпретации.

Субъективные национальные факторы обуславливаются особенностями русского национального самосознания и мировидения и — как следствие — русского языкового мышления, которые отмечаются целым рядом наук антропоцентрической, точнее, этнологической направленности, таких как лингвофилософия, лингвокультурология, этнолингвистика, этногерменевтика и других, предметом научного интереса которых является разнообразие форм и видов детерминации (взаимдетерминации) сознания (мышления) человека и природно-исторических, ментально-культурных условий его существования [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Мы полагаем, что вариативность интерпретации текста как результат семантизирующей деятельности адресата обнаруживает проявление тенденции как к национальной инвариантности, так и отражению разнообразия типов русской языковой личности. Проявление действия указанных тенденций и составляет предмет исследования настоящей статьи, в которой, в частности, мы выносим на обсуждение положение о проявлении склонности русской языковой личности к метаязыковой деятельности в процессе интерпретации речевого произведения.

Мысль о том, что отражающийся в языке объективный мир несет на себе отпечаток субъективного мировидения, национального самосознания, была высказана еще В. Гумбольдтом. О зависимости русского духа и русского самосознания от природно-исторических условий развития России писал Н. Бердяев, отмечая устремленность русского духа к абсолютному и неумение овладеть сферой относительного и срединного [7]. Русскому уму присуще то, что, по определению П.А. Флоренского, «свойственно философии с ее диалектическим методом, — стремление к объяснению, а значит, к все-связному, все-стороннему познанию действительности, причин и смысла бытия, его сути» [Цит. по: 8. С. 162].

Русским лингвистам направление детерминации в парадигме «природно-исторические и культурно-бытовые условия существования народа» — «язык» — «языковое мышление» представляется по-разному. Так, опираясь на идеи В. Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г.П. Мельников создает учение о внешней и внутренней детерминантах [4]. По его концепции, внешняя детерминанта языка (культура и быт народа в широком понимании) оказывает воздействие на формы общения людей в данном обществе. Под влиянием внешней детерминанты языка формируется его внутренняя детерминанта, проявляющаяся в его структурной организации. Эта идея оказалась весьма плодотворной в отечественном языкознании.

Другое направление детерминации в оппозиции «язык — языковое мышление» обосновывается младограмматиками. Так, Г. Остгоф и К. Бругман утверждали, что язык «по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от самих говорящих индивидов» [9. С. 159].

Признавая (но не абсолютизируя) справедливость и первой, и второй из названных лингвистических теорий и их объяснительную силу в отношении языковой эволюции, мы склонны видеть, что оппозиция «язык — языковое мышление» имеет взаимдетерминированный характер. Эта мысль была высказана В. Гумбольдтом, полагавшим, что «мышление не просто зависит от языка — оно до из-

вестной степени обусловлено также отдельным языком» [10. С. 324], и при этом различавшим в языковом мышлении и в собственно языковом содержании универсально-логический и идиоэтнический компоненты. Идея о взаимодетерминации национального языка и мышления развивается Л.Г. Зубковой [8] и Н.Д. Голевым, который формулирует ее следующим образом: принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка вступают в отношения корреляции [11. С. 20]. Данное положение конкретизируется применительно к языковой системе в генетическом аспекте в следующих формулах: «язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности», и, напротив, «языковая способность носителей языка такова потому, что язык навязывает им способность именно такого качества» [11. С. 22, 23]. Таким образом, следует вести речь о взаимной детерминации языка как системно-структурного образования и лингвоперсонологической системы и обсуждать проблему детерминанты национальной языковой личности (с выявлением сложного взаимодействия инвариантных и вариантных признаков) и детерминантных свойств языка.

Возвращаясь к обсуждению проблемы национальной составляющей в процессе метаязыковой деятельности русской языковой личности, следует отметить, что, по наблюдениям лингвистов, наряду с существованием универсальных явлений, отражающих предрасположенность человека к рефлексии над языком, отмечается и национальное своеобразие метаязыкового сознания. Так, в частности, утверждается, что носитель русского языка более предрасположен к вербализации знаний о языке, чем представитель немецкой нации [12]. В толковании русских носителей языка ярче выражен эмоциональный компонент, в толкованиях англичан — модальный. А.Н. Ростова полагает, что существует некая стандартизованная модель языка, зафиксированная в обыденном метаязыковом сознании. Эта модель варьируется на уровне национальных сообществ, на уровне общественно-групповых сообществ одного языка и на уровне индивидуального восприятия [12].

Идея о том, что в сфере русского метаязыкового сознания следует различать по крайней мере два противопоставленных типа языковой личности, подкрепляется исследованиями об отношении носителей языка к внутренней форме имен, названном Н.Д. Голевым [11] как мотивационное доверие (незамечание рукотворности имени, условности внутренней формы, вера в ее «правильность», отождествление с актуальной семантикой имени) и мотивационный скепсис, вытекающий из актуализированных представлений о произвольности языкового знака. При этом, как доказывает исследователь, первый путь мотивации имени представляется более сильным, доминантным.

Другая сфера, позволяющая говорить об особенностях национального метаязыкового сознания, — это орфография, орфографическое образование и орфографическое строительство. Так, на основе использования Интернета как лингвистического источника Н.Д. Голев представил доминантные характеристики национальной языковой личности и сделал вывод о том, что метаязыковая ментальность носителей русского языка тяготеет к отражательному, а не условному

принципу орфографии: механическое запоминание написания не является для русского метаязыкового сознания привлекательным, предпочитается объяснительный алгоритм орфографической деятельности. При этом процесс реальной письменной-речевой деятельности больше тяготеет к интуитивному, а не логически-рациональному объяснению: силлогистические объяснения в виде правил, принимаясь де-юре, редко принимаются де-факто [11].

Обыденная метаязыковая орфографическая ментальность — лишь частный случай метаязыковой ментальности, представляющей, с одной стороны, разнообразие вариантов, а с другой — восходящей к инвариантам национальной ментальности вообще.

Предметом нашего рассмотрения далее являются интерпретирующие тексты, которые, с одной стороны, отражают склонность носителя русского языка к проявлению метаязыковой деятельности, а с другой — показывают вариативность этой деятельности, отражающую, в том числе, разную степень ее проявления у разных носителей языка.

Решение обозначенной проблемы осуществляется на основе анализа материалов, полученных методом лингвистического эксперимента, цель которого заключается в верификации положения о склонности русской языковой личности к проявлению метатекстовой рефлексии и вариативности такой деятельности.

При постановке эксперимента нами были выдвинута следующая гипотеза: текст как репрезентант языкового функционирования реализуется множественностью интерпретационных вариантов, которая обусловлена природой языка в целом, спецификой национального, в данном случае русского, языка и особенностями русского языкового сознания, характеризующегося склонностью к метатекстовой рефлексии.

Материалом для эксперимента является следующий рекламный текст:

Курс «Английский одним прыжком льва» (Lion Leap English). Хотите овладеть английским языком профессионально и быстро!? Всего 12 занятий! Подготовка английской речи с необходимым набором всей оперативной грамматики и лексики. Занятия обеспечивают изучающим уровень — upper intermediate, что соответствует 3-му курсу языкового вуза. Подробная информация по телефону: 8-326-855-4748.

Участниками эксперимента были студенты факультета филологии и журналистики Кемеровского университета (30 человек), которым было предложено прочитать текст и ответить на вопрос, функция которого заключается не только в стимулировании и направлении интерпретационного процесса, но и в создании условий рецептивного функционирования текста, т.е. в формировании *позиции*, которая актуализирует или, напротив, нейтрализует определенные свойства текста и способствует проявлению интерпретационных типов языковой личности. При этом мы дифференцируем *текстовые* и *персоналогические* позиции.

Основанием для указанного противопоставления позиций является, во-первых, онтологическая дифференциация текстового и личностного пространства и, во-вторых, двоякая природа интерпретации, которая имеет как *объективно-языковую* обусловленность, так и *субъективно-личностную*. Объективно-языковая при-

рода интерпретации определяет влияние сильных и слабых текстовых позиций на характер и результат интерпретационного процесса.

При этом под *текстовой позицией* мы понимаем условия задания, тот контекст, в который помещается исследуемый текст и которые детерминирует развитие интерпретационного процесса по пути рецептивно-речевых действий, что находит проявление в степени свертывания/развертывания метаязыковой деятельности.

Говоря о сильных и слабых *персонологических* позициях, мы имеем в виду позицию текста в личностном пространстве реципиента, которая детерминируется типом рецептивной языковой личности, а именно личности склонной/не склонной к проявлению разных видов речевой рефлексии. Иными словами, персонологическая позиция текста определяется особой ролью рецептивной языковой личности, интенциональностью слушающего и использованием привычных для него интерпретационных стратегий.

Процедура проведения эксперимента заключается в следующем: текст помещается в определенные (сильные/слабые) позиции, в которых осуществляется рецептивно-интерпретационная деятельность, представляющая собой последовательность процедур: *распредмечивания* (смыслосчитывания, семантизации), т.е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения становится достоянием субъекта-интерпретатора, и *опредмечивания* (смыслопостроения), т.е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый текст) получает языковое воплощение. При этом наше видение процедуры «смыслосчитывания/смыслопостроения» соотнобразуется с интеракционной концепцией коммуникации, согласно которой интерпретационный процесс представляет собой не механическое обратное действие декодирования замысла автора, а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста (подробнее см. [13]). *Субъект* интерпретации, являясь адресатом речевого произведения, в то же время играет роль не пассивного получателя речевого продукта, но, напротив, рассматривается нами как активная языковая личность, создающая собственную ментально-речевую продукцию, личность, репрезентирующая как универсальные, наднациональные метаязыковые стратегии, так и национальные, в том числе отражающие проявление склонности/не склонности к метаязыковой рефлексии.

Ход эксперимента. Эксперимент проходил в два этапа.

Этап I. Текст помещается в *сильную текстовую позицию*, которая задается сопровождающим вопросом: *О чем это объявление? Как Вы поняли смысл данного текста?* Согласно предварительной версии, такая формулировка вопроса инициирует активную речемыслительную деятельность, заключающуюся в интерпретации содержания исходного текста, которая предполагает ее воплощение в виде развернутого метатекста.

Результаты эксперимента показали, что такая позиция исходного текста, действительно, задает развитие интерпретирующей деятельности реципиента по модели взаимодействия языкового и метаязыкового сознания при активном участии

последнего и воплощается в метатекстах, отражающих различную степень развертывания метатекстовой деятельности, например:

[Это объявление] о возможности усовершенствовать свой английский, что называется, «быстро и безболезненно», или же приобрести хороший навык разговорного иностранного языка. Если я обращусь по вышеназванному телефону, то овладею английским языком «за один прыжок льва» (подумать только, обещание такой мгновенной победы!) Смущает только то, что указано «профессионально и быстро» (это вообще возможно). Да еще объем знаний охватывает 3 университетских курса... Возможно, это будет столь интенсивная работа над языком??? (1).

Полученные в ходе эксперимента тексты по степени развертывания метаязыкового компонента можно разделить на три группы. К *первой группе* (6 ответов — 20%) относятся метатексты, построенные по типовой, воспроизводимой синтаксической модели, представляющие собой высокую степень компрессии исходного текста и минимальную степень репрезентации метаязыковой деятельности. Такие тексты воспроизводят синтаксическую модель [*Этот текст о...*], например:

Объявление о курсе английского языка, об уровне обучения; о быстром изучении английского языка.

Лексическое наполнение этих метатекстов не отличается разнообразием; как правило, имеет место воспроизводимость ключевых лексем исходного текста при полном отсутствии или минимально реализованной лексико-грамматической модификации (*курс — о курсе, о курсах; овладеть — овладение, изучить, изучение; быстро — очень быстро, быстрое изучение, ускоренная программа*).

Свертывание метаязыкового компонента при интерпретации текста, функционально представленного в сильной текстовой позиции, мы объясняем влиянием слабой персонологической позиции. Иными словами, предлагаемый текст оказывается объектом интерпретации языковой личности, которую мы можем охарактеризовать как в минимальной степени склонную к проявлению метаязыковой деятельности, личность, склонную к автоматизации рецептивного процесса. В данных условиях сильная текстовая позиция интерпретации нейтрализуется слабой персонологической, что и находит воплощение в соответствующей метаязыковой деятельности, проявленной в минимальной степени.

Вторую группу (18 ответов — 60%) образуют метатексты-суждения, имеющие следующую особенность: они состоят из двух частей — семантизирующей и комментирующей. Первая часть с точки зрения логической структуры и коммуникативной перспективы представляет собой преимущественно высказывание идентифицирующего типа, имеющее целью семантизировать содержание исходного текста, т.е. выразить объективную модальность. Во второй части содержатся представления слушающего об интенциональности автора исходного текста, оценка перлокутивного эффекта, выражается отношение адресата к сообщению и языковым средствам его выражения, т.е. субъективная модальность.

Формулировка вопроса (*О чем это объявление?*) задает синтаксическую модель построения семантизирующей части метатекста [*Этот текст о.../ Этот*

текст о том, что...], воплощенную в конструкциях, наполнением которых является раскрытие темы исходного текста:

Объявление о курсах английского языка...; Объявление дано об ускоренных курсах английского языка...; О возможности усовершенствовать свой английский.../ Это объявление о том, что всем желающим предлагают изучить английский...; Это объявление о том, как можно выучить английский язык быстро.

Такая модель построения интерпретирующего текста является наиболее частотной, типичной и свидетельствует, с одной стороны, об активном участии метаязыкового сознания, а с другой — о такой ментальной деятельности слушающего, результатом которой является компрессия исходного текста как реакция на структуру и содержание сопровождающего текст вопроса, смысловое наполнение анафорического элемента-местоимения. Семантизация исходного текста осуществляется путем его свертывания в ключевую субстантивную лексику или словосочетание, представляющие собой предикат пропозиции, осознаваемой как реальная или потенциальная (*изучение, овладение, подготовка, ускоренные курсы, набор на курсы, занятия английским языком, возможность изучить, возможность усовершенствовать*). Такая семантизация отражает реализацию интерпретационного процесса по модели его воспроизводимости и автоматизации, хотя и не в такой степени, как в ответах реципиентов первой группы. Синтаксическая заданность и воспроизводимость текста частично нейтрализуется определенным варьированием его лексической организации, что свидетельствует о некоторой степени деавтоматизации и производимости процессов восприятия.

Вторая, комментирующая, часть интерпретирующего суждения представляет собой, как правило, более или менее развернутое мнение реципиента относительно интенциональности автора, перлокутивного эффекта исходного текста, отношение реципиента к извлекаемой информации и т.д. Оно чаще всего имеет свободную и вариативную форму построения, характеризуется лексическим разнообразием. Часто реципиент прибегает к цитированию с целью оценить уместность/неуместность используемых автором слов и выражений, например:

«Фраза „Английский Одним Прыжком Льва“ означает, на мой взгляд, скорейшее изучение, так как, проанализировав семантику словосочетания „прыжок льва“, можно сказать, что „прыжок льва“ резкий, быстрый, одним махом, соответственно и обучение будет таким же; чересчур навязчивое объявление. Ни к чему употреблять английские наименования и термины, которые непонятны. Название курса больше похоже на русское „тяп-ляп“».

Интерпретирующие тексты подобного типа демонстрируют феномен диалектического взаимодействия процессов воспроизводимости, проявляющихся в повторяемости синтаксической модели и результатов интерпретирующего свертывания, и производимости, проявлением которых является вариативность, относительная самостоятельность и субъективность интерпретирующих суждений. Характеризуя подобные метатексты, можно говорить о том, что сильная текстовая позиция интерпретации подкрепляется сильной персонологической позицией. Подобные результаты отражают среднюю степень проявления метаязыковой рефлексии.

Третью группу (6 ответов — 20%) составляют такие интерпретирующие суждения, которые с точки зрения логической структуры являются характеризующими текстами и не обнаруживают компрессии исходного текста, а с точки зрения коммуникативной целеустановки представляют собой общую оценку исходного текста, например:

«Данное объявление „зывает“ всех желающих позвонить, прийти и заняться английским языком на высоком уровне, который может дать необходимые глубокие знания. Кроме того, в таком коротком объявлении дана информация, освещающая сообщаемое с разных точек зрения. Показаны только положительные стороны, т.е. все, что может привлечь внимание довольно-таки разнообразной по составу аудитории».

В метатекстах этого типа не выявляется повторяемая синтаксическая модель, они отличаются большим синтаксическим и лексическим варьированием, а следовательно, большей степенью производимости речевого интерпретирующего суждения и развертывания метатекстовой деятельности. Характеризуя подобные метатексты, можно говорить о высокой степени проявления метаязыкового сознания.

Этап II эксперимента осуществляется с целью изучения роли *слабой текстовой позиции* в рецептивном функционировании текста и влиянии персонологических условий на результат рецептивно-интерпретационной деятельности слушающего.

При постановке эксперимента мы сохраняем исходный текст, но варьируем условия его восприятия, которые определяются сопровождающим вопросом: *Воспользуетесь ли Вы предлагаемой в тексте услугой?* Согласно предварительной версии, такая формулировка задания предполагает приближение коммуникации, осуществляемой в рамках эксперимента, к естественным коммуникативным условиям и в определенной степени нейтрализует метаязыковую активность слушающего. Процесс осмысления текста происходит в скрытом (латентном) состоянии, а рецептивно-речевые реакции осуществляются по модели воспроизводимости при минимальной степени проявленности метаязыкового компонента.

В эксперименте на этом этапе также участвовали 30 человек. Результаты показали, что слабая текстовая позиция оказывает влияние на результат восприятия и интерпретации. В этих условиях ход когнитивно-интерпретационного процесса испытуемых осуществляется при разной степени свернутости метаязыкового компонента, и результат отражает разные формы когнитивно-речевого реагирования, воплощенные в репликах *Да/Нет*, имеющих или не имеющих при себе интерпретирующего высказывания.

Полученные в ходе проведения эксперимента ответы-реакции по характеру и степени проявленности/свернутости метаязыковой деятельности условно можно разделить на три группы. **Первую группу** составляют ответы *Да/Нет* (2 ответа — 7%), не поддерживаемые интерпретирующим высказыванием. Такие реакции свидетельствуют о том, что языковая личность не склонна к проявлению метаязыковых рефлексий. Иными словами, такие формы речевого реагирования показыва-

ют, что исходный текст попадает в слабую текстовую и слабую персонологическую позицию.

Вторую группу составляют ответы *Да/Нет*, поддерживаемые интерпретирующим высказыванием (16 ответов — 53%), например:

Да. Автор составил объявление лаконично, но в то же время перечислил главные преимущества курса — профессиональное и быстрое овладение английским языком; Скорее да. Обнадёживает свободное употребление английских выражений и привлекает разумная скорость (12 занятий) и красивая метафора; Нет. Сомнительное название у этого курса «Одним прыжком льва», как-то корявенько звучит. За 12 занятий овладеть английским профессионально и быстро невозможно, о каком-то непонятном изучающим уровне говорят, в общем, это лохотрон, даже звонить и уточнять не буду.

Наличие интерпретирующего высказывания свидетельствует о склонности языковой личности к проявлению метатекстовой рефлексии. Такое высказывание содержит рефлексивы, т.е. единицы, выполняющие метатекстовую функцию, служащие средством комментирования и общей оценки текста или его отдельных формальных и содержательных характеристик: отношение к достоверности исходного текста (*Овладеть за 12 занятий уровнем upper intermediate невозможно*); перлокутивный эффект (*С первого взгляда очень внушающе звучит; Слишком многообещающий текст рекламы; Меня смущает название «Одним прыжком льва»; Пафосное название курсов заставляет усомниться в качестве предоставляемых знаний; Объявление не внушает доверия; Я возмущена*; интерпретация и оценка композиционных элементов (*Мне кажется, что название неуместно*); семантизация и оценка ключевых единиц текста (*Один прыжок льва — значит быстро и мощно; «Одним прыжком льва». Я думаю, что лев одним прыжком мало чего достигает*).

Такие высказывания в большей степени, чем тексты предыдущего типа, содержат рефлексивы, а потому можно говорить о более проявленной форме метаязыковой деятельности и сильной персонологической позиции текста.

Третью группу составляют ответы (12 ответов — 40%), представляющие собой развернутое суждение по поводу информации, изложенной в исходном тексте, например:

Я воспользуюсь услугой, предлагаемой в объявлении. Само объявление меня заинтересовало, так как в нем сочетается и хорошие услуги и приемлемое количество занятий. Lion Leap English — по-английски звучит хорошо. Однако по-русски перевод не очень благозвучен. Думаю, в „шапку“ объявления следует поместить не русское, а английское название курса; Услугой предложенной в объявлении я не воспользуюсь, поскольку я считаю, что за 12 занятий невозможно изучить весь курс английского языка и тем более а как же практика? О практических занятиях ничего не сказано.

Ответы этой группы отличает следующая особенность: интерпретирующее суждение, не имеющее при себе однословного ответа типа *Да/Нет*, представляет собой развернутую интерпретацию и комментарий исходного текста, его функции, составных элементов и т.д. Подобные речевые реагирования выходят за преде-

лы «горизонта ожиданий», задаваемого слабой текстовой позицией. Авторы подобных интерпретирующих текстов не прибегают к компрессии и создают собственное высказывание, отражающее метаязыковую деятельность в развернутом виде, что свидетельствует о сильной персонологической позиции текста.

Таким образом, текст, помещенный в слабую текстовую позицию, т.е. в позицию, предполагающую свертывание метаязыкового компонента и осуществление рецептивно-интерпретационной деятельности в непроявленной, латентной форме, в одних случаях, действительно, интерпретируется текстом, представляющим собой свертывание метаязыковой деятельности. А в других случаях такая позиция не влияет на качество метаязыковой деятельности. Очевидно, такие способы интерпретации исходного текста свидетельствуют о влиянии персонологической позиции интерпретации, которая задается интенциональностью реципиента и типом языковой личности.

Обобщение результатов эксперимента позволяет говорить о том, что и в позиции актуализации, и в позиции нейтрализации, т.е. в сильной и слабой текстовых позициях, доминирующим оказывается тип языковой личности, склонной к проявлению метатекстовой рефлексии.

Резюмируя сказанное, подчеркнем еще раз: вариативность интерпретации текста обусловлена совокупностью факторов, имеющих как наднациональный, так и национальный и далее персонологический характер. Влияние каждого из названных факторов и их совокупность определяется сложной корреляцией принципов устройства ментально-психологического и системно-языкового пространства.

Вариативность интерпретации текста обуславливается, с одной стороны, вариативностью как имманентным свойством языка и вариативностью типов языковой личности, а следовательно, имеет наднациональный характер. С другой стороны, такая вариативность обусловлена особенностями русского языка и особенностями типов русской языковой личности, при разнообразии которых доминирует языковая личность, склонная к проявлению метатекстовой рефлексии.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Орфография и пунктуация испытуемых сохраняется.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
[2] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
[3] *Лихачев Д.С.* О национальном характере русских // Вопросы философии. — 1990. — № 4.
[4] *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели. — М., 2003.
[5] *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.
[6] *Шаклеин В.М.* Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2000. — № 1. — С. 73—78.
[7] *Бердяев Н.А.* Судьба России. — М.: Изд-во МГУ, 1990.

- [8] *Зубкова Л.Г.* Языковое и лингвистическое мышление // Антропотекст-1. — Томск: Изд-во Томского университета, 2006. — С. 154—174.
- [9] *Остгоф Г., Бругман К.* Предисловие к кн. «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. — М.: Просвещение, 1960.
- [10] *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
- [11] *Голев Н.Д.* Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография. — Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. — С. 7—28.
- [12] *Ростова А.Н.* Русское обыденное метаязыковое сознание // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты. — Кемерово: РА «Меркурий», 2006. — С. 54—57.
- [13] *Голев Н.Д., Ким Л.Г.* Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 1. — С. 144—153.

VARIETY OF TEXT INTERPRETATION AS MANIFESTATION OF THE RUSSIAN METALINGUISTIC THINKING (based on experimental data)

L.G. Kim

The Russian Language Department
Kemerovo State University
Krasnaya str., 6, Kemerovo, Russia, 650043

This paper discusses the factors determining the diversity of text interpretation. It is grounded that such variation is of both supranational and national origin. The results of experimental research prove that a Russian linguistic personality is prone to reveal metatextual reflection.

Key words: variety, interpretation, reception, metalinguistic, russian metalinguistic thinking.